

В оригинальном сюжете поступок Бай Лина и судьба Сюэ И с Лин Сюсю служили двойным воплощением принципов «главного героя любят все» и «всем, кто не любит главного героя, приходится несладко», однако в реальности это явно было нелогично. Каким бы расчётливым ни был Бай Лин, внешне он всё-таки принадлежал к праведному пути. Между Лин Сюсю и Чу Цзэюем прежде была лишь лёгкая двусмысленность. Пусть её выбор другого человека и выглядел не слишком порядочно, подобного обращения она всё равно не заслуживала.

[□(□ω□□)□ Понял. Это как с младшим соучеником и хозяином. Если ты, младший соученик, вдруг найдёшь дру...]

[Системный помощник?] – голос Гу Цзыцзю прозвучал очень, очень, очень низко даже в мысленной связи.

[Σ(□°Д°;)□] Тут поневоле обмочишься от страха! [Младший соученик и хозяин будут счастливы вечно! Никаких «если» не существует!]

[М-м...] – судя по голосу, Гу Цзыцзю остался доволен. [В общем, теперь остаётся лишь наблюдать за дальнейшим развитием событий.]

[Хозяин, ты... ты расстроен?]

[Нет.] Вопрос системного помощника немного озадачил Гу Цзыцзю. [Если бы духовный корень Сюэ И не изменился, посеянное мной сегодня семя сомнения в будущем непременно принесло бы богатые плоды. Но теперь его духовный корень изменился, и ситуация вышла из-под контроля.]

И без того мало что можно было утверждать наверняка, а после этой перемены даже определённости обернулась неизвестностью.

[(:з»∠) Прости, хозяин.]

В конце концов, всё упиралось в нехватку сведений. Помимо оригинального сюжета,

системный помощник мог предоставить Гу Цзыцзю лишь события, вытекавшие из его развития, либо то, что лично пережил предыдущий хозяин. Поступки и перемены остальных людей оставались за пределами его поля зрения.

Будь это технологически развитый мир, он ещё мог бы собирать сведения из всевозможных источников в сети. Но мир культивации? Без шансов.

[За что ты извиняешься? Так ведь гораздо интереснее.]

[QAQ Хозяин, ты такой добрый! Я неправильно тебя понял. Оказывается, ты хороший человек – с холодным лицом, но горячим сердцем.] Системный помощник растрогался.

Гу Цзыцзю: [...]

[Какой же он милый.] Дуань Шаобо рассмеялся. Он знал, что Гу Цзыцзю действительно считал такое развитие событий более занимательным. [Но старший соученик и вправду хороший человек – с холодным лицом, но горячим сердцем. Почему ты говоришь о нём таким тоном?]

Гу Цзыцзю облизнул губы, ощутив во рту лёгкую кислинку.

[А я не милый?] – спросил он, а затем обратился к Системе: [Системный помощник, раньше ты считал меня плохим человеком?]

[...]

(´□´)┐┌ И как ему теперь отвечать?! Младший соученик, я в тебе ошибался! Да ты прирождённый тихий интриган!

К счастью, в этот миг Дуань Шаобо ласково произнёс:

[Старший соученик... разумеется, тоже милый.]

Гу Цзыцзю промолчал, но исходившая от него волна любовного удовлетворения оказалась

настолько приторной, что от этой кислятины заболел даже несуществующий нос Системы.

Время шло. Гу Цзыцзю продолжал водить троицу за собой, спасаясь от преследователей. Хотя Сюэ И всё ещё не приходил в сознание, срок пребывания в тайном царстве уже подходил к концу.

– Старший, чем... духовный корень рассвета вообще отличается от прочих?

– Чем отличается? Хотя это изменённый небесный духовный корень, культивация с ним идёт медленнее, чем даже с тремя духовными корнями. Это во-первых. При парной культивации он даёт кое-какие необычные преимущества, но не сказать, что особенно значительные. Это во-вторых.

– Значит, старший действительно намекал, что мой наставник и старший брат... – Чу Цзэюй приподнял бровь. – Старший, вы наверняка ошиблись.

Гу Цзыцзю обернулся, взглянул на него и лишь улыбнулся, не став ничего объяснять.

Чу Цзэюй фыркнул. Его раздражала и чепуха Гу Цзыцзю, и то, что тот обращался с ним как с ребёнком. В этот миг Чу Цзэюй подумал, что рано или поздно поднимется до уровня Гу Цзыцзю, расправит плечи, гордо поднимет голову и ещё раз скажет ему: «Вы ошиблись!»

Гу Цзыцзю поманил пальцем, и на его ладони появилась крохотная летающая сабля длиной с фалангу пальца. Как и полярное сияние, она переливалась всеми цветами и была прекрасна до крайности. Сабля состояла из ци меча Гу Цзыцзю, но он намеренно немного изменил её, лишив убойной силы.

– Лови.

Чу Цзэюй поднял руку, поймал её и вопросительно посмотрел на Гу Цзыцзю.

– Мне он по душе, – Гу Цзыцзю указал на Сюэ И. – Если вам будет грозить беда, раздави эту маленькую саблю. Я сразу узнаю.

Чу Цзэюй хотел сказать, что им это не нужно, но Лин Сюсю украдкой дёрнула его за одежду. Немного поколебавшись, он всё-таки убрал саблю:

- Благодарю, старший.

Пусть этот человек ошибался, такая сабля всё равно могла послужить оберегом и спасти им жизнь.

- Но... старший, мы всего несколько раз встречались с вами. Даже если мой старший брат вам по душе... неужели этого достаточно, чтобы повсюду ходить за нами и предлагать помощь?

Лин Сюсю только что отпустила одежду Чу Цзэюя, но тут же снова протянула руку. На этот раз она не стала хвататься за ткань, а вцепилась прямо в его бок и выкрутила кожу сначала на сто восемьдесят градусов влево, а затем на сто восемьдесят вправо!

Чу Цзэюй едва не завопил от боли, но всё-таки сдержался.

- Если ты непременно хочешь узнать причину... давай заключим пари.

- Какое ещё пари? - Чу Цзэюй приподнял бровь.

Все мышцы его тела напряглись, но на душе, напротив, стало легче. Хорошо, если этому старшему от них что-то понадобилось. Иначе, если в будущем тот попросит его о помощи, за первой просьбой последует вторая. Накапится слишком много долгов благодарности - и однажды это может обернуться большой бедой.

- Спорим, он попадёт в серьёзную передраку, а ваша секта не только не поможет, но ещё и сама столкнёт вас в огненную яму.

- Да за что ты так ненавидишь нашего наставника?! - Чу Цзэюй от злости даже рассмеялся.

- Довольно пустых слов. Ты принимаешь пари или нет?

- Принимаю! – громко ответил Чу Цзэюй. – Но должен же быть какой-то срок!

- Пусть будет сто лет. Если выиграю я, он станет учеником моего младшего соученика, ты – моим учеником, а она поступит в ученицы к моему наставнику.

- Хорошо! Но если выиграю я, то не стану требовать, чтобы ты поступил ко мне в ученики. Ты отправишься к моему наставнику, трижды поклонись ему до земли и извинись!

- По рукам.

Гу Цзыцзю поднял ладонь. Чу Цзэюй, державший Сюэ И на руках словно ребёнка, подошёл ближе, и они трижды хлопнули друг друга по ладони, скрепляя пари.

После этого Чу Цзэюй внезапно покосился на собственную руку. Сначала она восстановилась после съеденного персика, но потом он сам снова сломал её там, где кость срослась неправильно. Когда же она успела окончательно зажить? Кажется, только что он даже поймал этой рукой маленькую летающую саблю.

Остаточное действие персика? Или эффект истинной первозданной энергии, передававшейся ему от Сюэ?

- Эм... – вдруг неуверенно спросила Лин Сюсю. – Если мы проиграем, разве этим двоим не придётся называть меня дядей-наставником?!

- Именно, – Гу Цзыцзю улыбнулся ей.

Выражение лица девушки тут же стало чрезвычайно странным: ей явно хотелось рассмеяться, но она не могла. Чу Цзэюй свирепо взглянул на неё. Лин Сюсю показала ему язык и отвернулась.

- Приготовьтесь. Скоро мы выйдем.

Гу Цзыцзю уже чувствовал, как отталкивающая сила тайного царства крепнет. Видимо, время действительно подошло.

Чу Цзэюй понятия не имел, как к этому готовиться. В конце концов он подхватил Сюэ И на руки, как принцессу, прижал его голову к своей груди и ладонью прикрыл лицо и затылок. Лин Сюсю встала напротив, обхватила Чу Цзэюя за шею, чтобы их троих не разлучило, и одновременно прикрыла Сюэ И с другой стороны.

Обычно именно Сюэ И вставал на их защиту. Теперь, что бы ни случилось, настал их черёд защищать его.

Они оба преувеличенно широко раскрыли глаза, боясь моргнуть в самый неподходящий миг и не заметить опасности. Однако тревожились они напрасно. Окружавшее их великолепное пространство из ци меча внезапно погрузилось во тьму, а в следующий миг под ногами снова появилась твёрдая земля. Перед ними раскинулся маленький пруд, вновь ставший прозрачным.

Однако они не успели ни облегчённо вздохнуть, ни поделиться впечатлениями, как небо уже затянулось чёрными тучами.

Все вышедшие из тайного царства Персикового Цветения оказались в одном месте. У некоторых ещё внутри возникла вражда, а кто-то буквально мгновение назад сражался с противником. Увидев друг друга снаружи, они уже нахмурились и приготовились снова пустить в ход оружие, но стоило небо затянуть тучами, как все мгновенно присмирели. Убрав магические артефакты, практики бросились врассыпную.

Кто-то внутри прорвался через границу великой стадии, и теперь ему предстояло выдержать небесную кару. Во многих тайных царствах небесная кара не обрушивалась, но стоило практику выйти наружу, как молнии сразу же принимались за дело.

Само по себе это не считалось редкостью. Тем более тайное царство Персикового Цветения допускало лишь практиков ниже стадии Зарождающейся души. Чем ниже стадия, тем проще было совершить прорыв, а потому подобное происходило часто.

Но... не слишком ли много людей прорвалось в этот раз?

Каждая вспышка громового пламени отмечала одного практика. Здесь их насчитывалось никак не меньше сотни! Объединившись, даже низкоуровневые грозовые тучи обретали поразительную мощь.

Снаружи прежде ожидало множество людей – соученики, родные и близкие. Но при виде происходящего все забыли о встречах и приветствиях. Тут бы самим не угодить под молнию!

Те, кому предстояло выдержать кару, тоже бросились бежать. Конечно, от небесной кары не убежишь, но никто не желал случайно попасть под чужую молнию и тем более принимать удар за кого-то другого.

Среди всеобщего бегства встречались и те, кто не двигался с места. Например, Гу Цзыцзю.

[Старший соученик, ты не вернёшься в секту, чтобы выдержать небесную кару?]

[Вернусь. Там тоже буду проходить кару.]

[М-м?]

[Кару Трансформации духа.]

[...]

Переживать небесную кару было неприятно, но она также означала переход на новую великую стадию. Именно к этому практики стремились всю жизнь: подниматься, подниматься и снова подниматься, пока не постигнут Дао и не вознесутся.

Но почему старший соученик говорил о таком настолько невозмутимо? И почему сам Дуань Шаобо, хотя и был потрясён, не сомневался, что старший соученик непременно добьётся успеха?

[Изначально я хотел не торопиться. Ты рассеял свою культивацию, поэтому разница между нашими уровнями не должна быть слишком велика, иначе тебе придётся слишком тяжело.]

Дуань Шаобо покраснел и ничего не ответил.

[Но теперь в деле Сюэ И и Чу Цзэюя стало слишком много неизвестного. К тому же дурное предчувствие всё усиливается. Поэтому для начала лучше поднять стадию культивации.]

Если уж дурное предчувствие появилось у Гу Цзыцзю, значит, дело было действительно крайне скверно.

[Хорошо. Старший соученик, будь осторожен. Я уведу остальных учеников подальше.]

[Иди.]

Гу Цзыцзю сел прямо на землю. Над его головой собралась самая огромная грозовая туча. Были здесь и другие практики, прорывавшиеся на стадию Зарождающейся души, однако даже у занявшего второе место облако оказалось вдвое меньше.

Через несколько минут на Гу Цзыцзю обрушилась первая небесная молния. К тому времени поблизости уже не осталось других грозовых туч. Лишь издалека доносились раскаты грома, и невозможно было понять, эхо ли это грохотало в облаке над ним или где-то вдали молнии так же избивали других несчастных...

Навстречу небесной молнии Гу Цзыцзю поднял ладонь и небрежно взмахнул ею, словно обычный смертный, отгоняющий мелкое насекомое. Вместе с этим движением ввысь рванула ци меча и в лобовую столкнулась с молнией!

Раздался оглушительный грохот, словно рухнула гора и раскололась земля. Он заглушил даже все ближние и дальние раскаты грома. Небесная молния и сияющая всеми цветами ци меча одновременно рассеялись, исчезнув без следа.

Когда ударила вторая молния, Гу Цзыцзю снова взмахнул ладонью.

Третья – ещё один взмах...

Некоторые всё-таки остались поодаль, чтобы понаблюдать. Теперь они смотрели, как Гу Цзыцзю один за другим небрежными шлепками развеивает небесные молнии, будто не прилагая ни малейшего усилия. Выражения их лиц становились всё красочнее.

После девяти молний грозовая туча из чёрной превратилась в фиолетовую, а затем постепенно сжалась в небе до единственной капли бессмертной росы. Та упала прямо на межбровье Гу Цзыцзю.

Он закрыл глаза, и выражение его лица стало спокойным и умиротворённым. Погрузившись в медитацию, он принялся усваивать блага, дарованные пережитой небесной карой.

– Все мечники так проходят небесную кару? – тихонько спросила Лин Сюсю у Чу Цзэюя. – Или их молнии слабее наших?

– Не знаю.

Чу Цзэюй тоже был поражён. Каким бы странным ни казался ему этот мечник, какую бы бессмыслицу ни нёс, очерняя их секту, приходилось признать: он по-настоящему силён.

– Где духовные плоды, которые достались вам троим?! – внезапно потребовала Цзо Цзиньэр, преградив им дорогу.

Чу Цзэюй и Лин Сюсю сразу помрачнели.

Наставник относился к ним хорошо, но эту старшую соученицу они действительно терпеть не могли!

Покинув тайное царство, они сразу устремились к людям в знакомых одеждах своей секты и благополучно присоединились к ним. Потом вся группа бросилась спасаться бегством. Однако старший соученик, возглавлявший отряд, очевидно, тоже хотел понаблюдать за карой

Зарождающейся души, чтобы чему-нибудь научиться и обрести новое понимание. А если кого-нибудь убьёт молнией, можно будет помочь собрать останки – и заодно отобрать его магические артефакты и имущество.

Вероятно, руководивший группой практик секты Бурных Волн считал, что мечнику будет особенно трудно пройти небесную кару, а ещё знал, что в этот раз тот добыл в тайном царстве немало сокровищ. Поэтому они остановились довольно близко к Гу Цзыцзю и увидели весь процесс целиком.

На группу высокомерных небесных гениев секты Бурных Волн это зрелище произвело огромное впечатление.

С Гу Цзыцзю ничего не случилось, а значит, отнять у него сокровища не удастся. Взгляды одних обратились к другим практикам, всё ещё с трудом сражавшимся с небесной карой. Другие посмотрели на собственных соучеников.

Например, Цзо Цзиньэр уставилась на троицу.

– Съели, – беззаботно ответил Чу Цзэюй.

– Съели?!

Закричала не только Цзо Цзиньэр. Многие практики секты Бурных Волн, наострившие уши, тоже невольно воскликнули.

Они таких сокровищ даже не видели, а эти трое... эти трое... просто взяли и съели их?!

– Мы всю дорогу спасались от преследователей и получили тяжёлые раны. Разве вы не видите, что мой старший брат до сих пор не пришёл в сознание? Если у нас были такие плоды, не должны же мы были хранить их, пока не погибнем! Разумеется, как только дело стало плохо, мы разделили их и съели! – громко заявила Лин Сюсю.

– После того как вы их съели, не возникло никаких неприятных последствий? – руководивший отряд практик Золотого ядра тоже подошёл ближе.

Чу Цзэюй ответил:

- Мы все трое стоим сейчас перед вами. Вы видите, чтобы с нами было что-то не так?

- Ну и ну... - практик Золотого ядра улыбнулся. - Чего вы ошетинились, словно два ежа? Я всего лишь беспокоюсь. Небесные сокровища, конечно, полезны, но если проглотить их просто так, они не обязательно принесут одно лишь благо. Только смертные предаются мечтам, будто достаточно съесть волшебную траву - и сразу вознесёшься.

Тон у практика был мягким, а слова - разумными. К тому же он не пытался применить силу, а спокойно с ними разговаривал. Выражения лиц Чу Цзэюя и Лин Сюсю сразу немного смягчились.

Цзо Цзиньэр всегда относилась к ним подобным образом. Во взглядах остальных соучеников тоже читалась жадность, однако это было лишь в человеческой природе. Незнакомцы, встреченные во время бегства, смотрели на них куда страшнее.

- Придётся побеспокоить старшего соученика.

Их наставник был патриархом Зарождающейся души, поэтому они вполне могли так его называть.

Практик Золотого ядра протянул руку к Лин Сюсю, намереваясь проверить её пульс, но тут земля и горы яростно содрогнулись. Он машинально поднял голову и тут же завопил:

- Матушки мои!!!

Позабыв и о достоинстве, и о приличиях, он обратился в луч света и умчался прочь. Впрочем, никто не подумал над ним смеяться: остальные неслись следом, спасая собственные жизни.

Что именно произошло, никто толком не разглядел. Они увидели лишь, как рушатся горы, раскалывается земля, а в небе словно разверзлась огромная дыра. Повсюду мелькали бесчисленные призрачные вспышки молний.

И без объяснений было понятно: могущественные практики сошлись в бою.

Бегство продолжалось целых три дня. Остановиться было невозможно. Все понимали, что потрясавшие небо и землю катастрофы направлены не против них, но когда прямо за спиной разворачиваются картины конца света, кто осмелится задержаться?

Даже руководивший отрядом практик Золотого ядра побледнел от страха и усталости, однако Чу Цзэюй всё ещё держался легко. Он даже позволил Лин Сюсю положить руку себе на плечо и полетел, увлекая её за собой.

Чу Цзэюй считал, что это наверняка связано с Сюэ И. Ему следовало радоваться, однако вместе с радостью в сердце нарастал необъяснимый страх. Слова старшего мечника снова и снова всплывали в его сознании.

К тому же не погиб ли этот старший мечник во время недавней катастрофы? И что стало с жителями города Персикового Цветения? Ведь большинство из них были простыми смертными.

Нынешний Чу Цзэюй всё ещё искренне беспокоился о жизни и смерти смертных. Пока ещё он оставался хорошим ребёнком...

Однако Гу Цзыцзю, о котором он так волновался, не только остался цел и невредим, но уже успел воссоединиться с Дуань Шаобо. Вместе с учениками они сидели на корточках на городской стене города Персикового Цветения, наблюдали за сражением секты Меча с сектой Огня Ли и одновременно разбирали мёд, принесённый Гу Цзыцзю.

Впрочем, говорить о сражении всей секты Меча было не совсем верно. От неё явились лишь двое.

Первым был их наставник, достопочтенный меча Заточенного Острия Ли Биньчэн.

Второй оказалась незнакомая им женщина-мечник. Расспросив других учеников, они узнали, что её звали Ло Сюшоу, а титулом её был достопочтенная меча Косящего Древа.

Этот титул звучал немного странно, но стоило записать составлявшие его иероглифы 割 и 樹

один над другим, как всё становилось понятно: получался иероглиф «убивать» – 𠄎!

Обычно титул почтенного давали другие практики того же пути. Например, после достижения стадии Трансформации духа Гу Цзыцзю, скорее всего, стали бы называть достойным меча Нефритового Звона.

Однако эта женщина сама выбрала себе титул. Её путь меча был столь же властным и необузданным, а собственный меч она назвала Пронзающим Кровь.

Как и у Ни Сюэцзиня, намерение меча Ло Сюшоу было красным. Но когда они в прошлый раз наблюдали за танцем меча Ни Сюэцзиня, никакого желания убивать не ощущалось. Конечно, это могло объясняться разницей в обстоятельствах, однако от Ни Сюэцзиня сейчас и вправду исходило чересчур много убийственной ауры.

Если бы перед началом сражения двое достойных меча не бросили в сторону города Персикового Цветения магический артефакт, защитивший и бессмертных, и смертных, не меньше половины горожан наверняка умерли бы от одного лишь страха.

Со стороны секты Огня Ли явились восемь почтенных, включая самого главу секты, и более двадцати практиков Золотого ядра. Однако теперь даже практики Золотого ядра не осмеливались приближаться. Они чинно сидели на городской стене рядом с учениками секты Меча и наблюдали.

Хотя снаружи бушевала яростная битва, нетрудно было заметить, что двое достойных меча секты Меча подавляли противников.

Если даже восьмерых теснили двое, то мелким ученикам хватит одного случайного удара, чтобы расстаться с жизнью. Лучше уж сидеть тихо и не высовываться.

Хотя времени на сбор мёда у Гу Цзыцзю почти не было, ему всё-таки удалось унести кусок ростом со взрослого человека и такой ширины, что двое едва смогли бы обхватить его руками. Точнее, это был огромный кусок пчелиных сот. В ячейках ещё шевелились живые, белые и пухлые пчелиные личинки.

Все принялись вынимать их и складывать отдельно, чтобы потом обжарить в масле. Они считались спасителями города Персикового Цветения, так что немного масла куня

градоначальник вполне мог им выделить.

– Ой? Дядя-наставник, эти соты отличаются цветом от остальных! И мёд с личинками внутри тоже другие! – внезапно воскликнул младший соученик Цзо Жунгэ.

Все тут же столпились вокруг.

И действительно, ближе к середине находился кусочек размером примерно с два сложенных вместе кулака, соты которого пылали ярко-красным. Когда с них сняли верхний слой воска, изнутри потёк мёд ещё краснее огня – словно разрезанный красный кристалл, прозрачный до режущего глаза блеска.

Личинки внутри были чуть стройнее соседних. Наверное, они съели слишком много этого мёда, поэтому тоже стали красными.

– Может, это маточное молочко? – спросил кто-то.

– Не знаем, – все покачали головами.

Гу Цзыцзю обмакнул палец в красный мёд и попробовал. Его лицо тут же сморщилось:

– Как горько... Нет, сладко... Одновременно горько и сладко...

Мечники недоумённо переглянулись:

– Что ещё за странный вкус?

– Для наших языков он слишком сладкий. Настолько, что начинает горчить, хотя послевкусие всё равно остаётся сладким. К тому же эта вещь приносит огромную пользу духовным корням.

У Гу Цзыцзю было три духовных корня: молнии, металла и огня. Корень молнии являлся самым сильным, следом шёл металл, а огонь был слабым и нечистым. В тот миг, когда Гу Цзыцзю проглотил красный мёд, он ощутил, что духовный корень молнии слегка окреп, а духовный корень огня немного уменьшился.

Мечники сначала понимающе протянули:

– Вот оно что.

А потом мгновенно потеряли интерес:

– Нам бесполезно.

Мечников не волновали духовные корни. Поэтому самым важным был вкус!

Невкусно? Тогда ступай прочь и не мешай.

Никто даже не стал выяснять, действительно ли это было маточное молочко.

Даже младший соученик, только что с воодушевлением разбиравший этот кусок сот, сразу сделался вялым. Конечно, все пришли помогать от нечего делать и вовсе не собирались присваивать добычу, но ведь помечтать-то можно!

В конце концов Дуань Шаобо забрал работу себе, и младший соученик радостно убежал к одной из старших соучениц.

Когда за дело взялась целая группа практиков, принесённые Гу Цзыцзю соты, несмотря на внушительный размер, были разобраны очень быстро.

Вскоре на городской стене установили котёл, наполовину наполненный маслом куня. Когда масло раскалилось, в него бросили пчелиные личинки. Рядом поставили решётку для жарки и разложили на ней всевозможные продукты, принесённые из тайного царства Персикового Цветения. Всё это смазали свежим мёдом и принялись запекать.

Все неотрывно смотрели на котёл и решётку блестящими глазами. Младший соученик даже не заметил, как слюна закапала у него на землю.

– Дядя-наставник Гу, дядя-наставник Дуань, это вам.

Как только первая порция личинок и первая партия жаркого приготовились, расторопные младшие ученики сразу сложили их на большие листья и протянули Гу Цзыцзю с Дуань Шаобо.

Они не стали отказываться, спокойно приняли угощение и уже собирались попробовать, как вдруг ощутили в затылках острую боль, словно от укола иглы.

В сердце одновременно поднялось необъяснимое беспокойство.

<http://bllate.org/book/19889/1985389>